

Научная статья
УДК 1 (091)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ ТЕОРИИ НИКЛАСА ЛУМАНА

Александр Александрович Львов¹, Глеб Викторович Богомолов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ SPIN: 2301-2592, ORCID: 0000-0001-7375-3327, a.lvov@spbu.ru

² ORCID: 0009-0000-0984-6326

Аннотация. Статья посвящена систематизации и анализу коммуникации в социальной теории Никласа Лумана. Центральное место отводится антропологическому измерению, которое возникает в связи с его теорией. Теория Никласа Лумана ассоциирована с дистанцированием от гуманистической проблематики в пользу перехода к исследованию автономных социальных систем. В рамках работы исследуются предпосылки и следствия, которые возникают при переходе к неантропологической модели общества, а также отмечаются специфические пространства-маргиналии, в которых сохраняется значимость человеческого влияния. Методологической основой работы является системно-теоретический анализ в сочетании с элементами концептуальной реконструкции и сравнительного подхода. Используются ключевые тексты Лумана, прежде всего «Что такое коммуникация?» и «Невероятность коммуникации», а также работы по теории аутопоэзиса и функциональной дифференциации общества. Дополнительно привлекаются материалы, связанные с дискуссией с Юргеном Хабермасом. В исследовании продемонстрировано, что исключение антропологического элемента из анализа Лумана провоцирует ряд проблем, которые разрешаются в критической теории коммуникации.

Ключевые слова: Никлас Луман, Юрген Хабермас, теория коммуникации, антропология, социальные системы, аутопоэзис, структурализм.

Original article

THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF NIKLAS LUHMANN'S THEORY OF COMMUNICATION

Alexander A. Lvov¹, Gleb V. Bogomolov²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ SPIN: 2301-2592, ORCID: 0000-0001-7375-3327, a.lvov@spbu.ru

² ORCID: 0009-0000-0984-6326

Abstract. This article is devoted to the systematization and analysis of communication in the social theory of Niklas Luhmann. Central attention is given to the anthropological dimension that emerges in connection with his theory. Luhmann's approach is commonly associated with a distancing from humanistic problematics in favor of investigating autonomous social systems. The study examines the presuppositions and consequences that arise from the transition to a non-anthropological model of society and identifies specific marginal spaces in which the significance of human influence is preserved. The methodological framework of the article is based on systems-theoretical analysis combined with elements of conceptual reconstruction and a comparative approach. The research draws on Luhmann's key texts, primarily «What is Communication?» and «The Improbability of Communication» as well as works on the theory of autopoiesis and functional differentiation of society. Additionally, materials related to Luhmann's debate with Jürgen Habermas are incorporated. The study demonstrates that the exclusion of the anthropological element from Luhmann's analysis generates a number of theoretical tensions that are subsequently addressed within critical theories of communication.

Keywords: Niklas Luhmann, Jürgen Habermas, communication theory, anthropology, social systems, autopoiesis, structuralism.

Никлас Луман известен как продолжатель и разработчик теории социального функционализма Парсонса. Концептуальное значение социального функционализма сводится к попытке описать общество и его элементы через интерпретацию специфических функций его составных частей. Предполагается, что их взаимодействие приводит к согласованному существованию общества. Теории Лумана и Парсонса сближаются в предпосылке, что системы общества всегда стремятся к удержанию баланса для продолжения своего существования. Однако уникальной оказывается проблематика взаимодействия элементов этих систем. Если для Парсонса баланс системы поддерживается действиями индивидов, то для Лумана акцент смещается уже на анонимную и лишённую человеческой субъективности коммуникацию.

«Самореференция и внешняя референция действуют в операциях по коммуникации постоянно и с необходимостью» [Луман, 2010]. Отсюда же выводится и следующее понятие, необходимое для теории Лумана. «Аутопоззис» предполагает, что принцип самореферентности, использующий логику, по которой система может продолжать выполнять свои операции, обращаясь в саму себя, разворачивается на структурном уровне. Он описывает уже не рядовую процедуру, но структурное устройство системы. «Система состоит из самовоспроизводящихся элементов — и только из них» [Луман, 2010].

В рамках системной теории преодолевается дуализм между субъектом и объектом наблюдения, который ведёт классические социальные системы к «парадоксу включенного наблюдения». Впервые он был описан Уильямом Лабовым. Этот парадокс открывает дурную бесконечность вопроса о влиянии исследователя на его описание внешнего описания общества, частью которого он является сам. Система Лумана позволяет избежать этого парадокса, потому что стремится к тому, чтобы вообще исключить человека из социального описания. Он наделяет систему автономными механизмами для самовоспроизводства. Исследователь не включается в систему, поэтому может описывать её объективно. Первоначального разделения не возникает из-за закрытости и способности систем к самовоспроизводству.

Таким образом, Луману удаётся разрешить проблему включённого наблюдения, которая в ином случае может быть искажением любого другого подхода к описанию общества. Любой взгляд на общество со стороны требует от исследователя невероятного обоснования пути, который позволит ему исключать себя из описания. Проблема состоит в том, что он входит в наблюдение с каким-то багажом знаний, социальных представлений и связей, которые не разрываются с обществом во время исследования, а значит, контрабандой в него проникают. Попытка решить эту проблему через удвоение, например, вводя мышление мышления, при котором субъект сам же становится объектом, не разрешает проблемы. Элемент ангажированности продолжит своё присутствие в них. Системная теория предлагает использовать аутопоззис и включение в структуру общества его элементов таким образом, чтобы воспроизведение структуры продолжалось и без участия человека.

Классическая теория социологии при таком «закрытом» подходе к обществу обычно предполагает, что система не сможет существовать продолжительное время, ведь она не вступает во взаимодействие с внешними элементами. Под такими отношениями понимается ситуация, при которой система получает какое-то дополнительное содержание извне. В теории общества Льюиса Козера такой исход ведёт к краху общества. В его логике система, которая не получает корректировки через открытые механизмы взаимодействия, рискует разрушиться из-за накопленных противоречий и неспособности соответствовать требованиям внешней среды [Козер, 2000: 71].

Луман утверждает, что ни одна система не подвержена воздействиям внешней среды. Она всегда самостоятельно решает «впустить» в себя какой-то «внешний» элемент или нет. Однако это происходит по законам самой системы, а элемент становится её частью. Для иллюстрации возможной степени открытости системы Луман опирается на автора концепции «Аутопоззиса» Умберто Матурану:

«Окружающая среда как раз не соуправляет операциями системы..., но она может нарушить операции системы, мешать им или, как говорит Матурана, пертурбировать их, если (и только если) влияния окружающей среды проявляются в системе в качестве информации и могут быть переработаны системой как таковые» [Луман, 2010].

Если открыть доступ к смещениям с внешними системами, референтная система уничтожится, поэтому единственным способом взаимодействия систем остаётся коммуникация, осуществляемая

внутри системы по её собственным правилам. Эта логика используется для теоретического описания общества. Луман отказывается от выстраивания «больших теорий» или «метанарративов». Он выбирает другой путь, предлагая сосредоточиться на наблюдении второго порядка, в котором открывается множественность возможных комбинаций структур.

Чтобы реконструировать место коммуникации в теории Лумана, мы обратимся к двум магистральным текстам: «Что такое коммуникация?» и «Невероятность коммуникации». Коммуникация в представлении Лумана достаточно ограничена. Ей задаётся некоторая структура, в рамках которой участники могут делиться своими восприятиями. В дальнейшем мы проведём некоторое сопоставление теории Лумана со структурализмом, однако интересно уже на этом этапе отметить, что организация системы коммуникации Лумана походит на дискурсы в представлениях Мишеля Фуко. Причина этого состоит, как нам видится, в том, что структуралистская теория, в пределе заявляющая смерть автора, не может ответить на вопрос, каким образом возможно изменение содержания системы языка. Решение Фуко предполагает, что дискурс способен саморазвиваться благодаря тому, что включает в себя участников, которые уточняют и дополняют его элементы. Однако, как и у Лумана, это ситуация герметичная.

«Наша изначальная сопричастность миру как будто бы обосновывает для нас возможность говорить о нём, говорить в нём, его обозначать и называть, судить о нём и, в конечном счёте, познавать его в форме истины. Если и наличествует дискурс, то чем ещё он может быть на законном основании, как не скромным чтением? Вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остаётся лишь подобрать его; а этот язык, начиная с наиболее рудиментарного своего проекта, уже говорил нам о некоем бытии, своего рода нервюрой которого он является» [Фуко, 1996: 76].

Луман характеризует коммуникацию как соединение трёх процессов селекции, которые не могут существовать по отдельности. Это селекция информации, сообщения и понимания. Обозначить их можно следующим образом: Информация селектирует содержания из перспективы любых возможных смыслов; Селекция сообщения предполагает ограничение формы передачи сообщения, например, почему оно происходит сейчас при данных условиях; Селекции понимания отводится особое место, потому что она включается в систему информации-сообщения и регулирует различие между ними.

Понимание, в отличие от традиционных теоретических систем, обращается не в транспортировку-передачу информации, а в процедуру, которую поддерживают другие акторы, опирающиеся на дистанцию между формой и информационным содержанием сообщения. Коммуникация поддерживает способ своего существования самостоятельно.

«Ничто не переносится. Создаётся избыточность в том смысле, что коммуникация порождает память, которая может быть использована многими и весьма различными способами. Если некто, А сообщает нечто некоему В, то дальнейшая коммуникация может обратиться как на А, так и на В. Система как будто пульсирует, постоянно создавая избыток и производя селекцию. С изобретением шрифта и книгопечатания такая технология системообразования неизмеримо усовершенствовалась, что имело соответствующие последствия для социальной структуры, семантики и даже самого языка, который мало-помалу появляется в поле зрения исследования» [Луман, 1995].

Практическим следствием такого подхода становится отказ от телеологичности коммуникации. Не имеет особого значения, что хотели сказать участники коммуникации, потому что единственной действительной её операцией может быть бинарное принятие или непринятие понимания. В коммуникации неизбежно будут возникать помехи. Луман описывает их предельное состояние, которое приводит к подозрению патологичности в системе. Он связывает его с понятием преодоления предела порога толерантности, которое, в сущности, предполагает накопление системой противоречий, которые перерабатываются и закрепляются в её воспроизводстве.

«Когда используется память системы и опыт помех (*Störungserfahrung*) запоминается, агрегируется, снова презентуется, укрепляется через укрепление рассогласования и гиперкорректуру, используя для этого всё больше и больше ёмкости системы» [Луман, 1995]. Подобной проблемой является невероятность коммуникации.

В работе «Невероятность коммуникации» Луман исходит из позиции, что подойти к коммуникации можно с точки зрения двух предварительных ожиданий. Первое он связывает с фигурой Бэкона,

а второе с Гоббсом. Бэкон предполагал, что общество способно к постоянному улучшению социальных отношений, тогда как альтернативная позиция исходит из того, что общество существует невероятным образом. Это различие между оптимистической просвещенческой установкой и установкой критической, которая воспринимает общество не как исключительно прогрессирующее. В нём находится сложность, а противоречие выступает его ключевым элементом. Луман работает с этой теорией и предлагает три возможных отношения невозможности коммуникации. Во-первых, невероятно, что два индивида понимают друг друга, поскольку у них есть индивидуальное сознание, которое не тождественно одно другому. Во-вторых, есть существенная сложность с тем, что коммуникация может расширяться, хотя лица, в неё включенные, не могут гарантировать истинности положений, при их расширении. При этом, например, в ситуациях с переходами от одних типов массовой связи к другим, круг лиц, вовлекаемых в ситуацию коммуникации расширяется всегда. В качестве иллюстрации Луман предлагает переход от греческих рапсодий к тексту. Такой переход знаменует невозможность первичного подтверждения участия в коммуникации, однако возникают другие стратегии верификации, например, логика, которая придаёт вес утверждениям в тексте. В-третьих, невероятность коммуникации связана с тем, что не существует какой-либо устойчивой гарантии, что элемент, вступающий в коммуникацию, сможет принять к сведению ту информацию, которую он получает. За этим не обязательно должно следовать какое-то действие.

Оказывается, что в каждом из этих этапов усложнения возникают новые потенциалы для формирования общественных функций. Обращаясь к Толкотту Парсонсу, Луман отмечает, что для сферы экономики посредником будут деньги. Прояснить это положение можно следующим образом. Из-за того, что во время сделки не присутствовали все её участники, однозначного подтверждения цены товара через отношение с другими товарами найти не получится, поэтому возникают деньги, как всеобщий эквивалент. Посредник позволяет сократить или трансформировать невероятность коммуникации. Она усложняется и переводится на новый уровень. Примеры подобных переходов он связывает с развитием средств массовой информации, например, появление печати ведёт к тому, что «государственные мероприятия и *amour passion*, научная истина, полученная методически, деньги и право пошли разными путями, специализируясь на преодолении различных видов невероятностей успешной коммуникации» [Луман, 2000].

Здесь стоит отметить, что невероятности коммуникации существуют в постоянном взаимовлиянии, а становление и переход невероятности в вероятность коммуникации ведёт к расширению других невероятностей. Например, если получатели, благодаря развитию техники, получили сообщение, остаётся проблема в том, что углубляется невероятность успеха такой коммуникации.

Тезисы Лумана сводятся к тому, что центральным элементом функционирования общественной системы является коммуникация. Благодаря коммуникации, происходит усложнение системы и сохраняется её стабильность. При этом, существование коммуникации парадоксально, потому что на каждом из этапов взаимодействия систем она может не состояться. В преодолении этого состояния происходит эволюция общества и переход от невозможности к возможности. Разрешается и междисциплинарная теоретическая проблема. Реальное противоречие между толкованиями коммуникации в разных системах происходит из изначальной эволюции и разорванности с первоначальной ситуацией невероятности коммуникации. Различие в толковании коммуникации в социологии и психологии сводится к этому первичному разрыву, который в результате связывается с взаимодействием между системами и подсистемами, где системой выступает коммуникация, а её специфическими истечениями – разные теории. В конечном счёте развитие систем не зависит от индивидуальных действий и организации моральных отношений субъектов, потому что эти черты подчиняются логике систем. Такой подход привёл к дискуссии между Луманом и Юргеном Хабермасом, поздним представителем франкфуртской школы.

В исследовании Кристиана Фукса и Вольфганга Хофкирхнера приводится критический подход к аутопоэзису, продолжающий дискуссию на основаниях философии Хабермаса.

Авторы предлагают рассмотреть понятие аутопоэзиса в его историческом контексте. Термин «аутопоэзис» предложили Умберто Матурана и Франсиско Варело в 1980 году. Они приводят несколько центральных элементов работы аутопоэтической машины. Это принципы самоопределения, то есть способности системы самостоятельно определять границы и единство; поддержания, процесса

постоянного самосохранения системы; а также самовоспроизводства, когда система, обращаясь к своим собственным компонентам, синтезирует в них свои части. Теория Лумана опирается на понятие, которое в изначальной трактовке наделялось чертами машинерии.

Далее авторы статьи переходят к теории Лумана. По мнению авторов, задача, которая стояла перед Луманом, состояла в том, чтобы описать социальную систему, которая функционирует и без человеческого влияния. «В теории Лумана действуют не люди, а только социальные системы... Функционализм не видит в людях рациональных агентов, пользующихся практическим сознанием и участвующих в социальном воспроизводстве, вместо этого он утверждает, что общество и институты только реализуют потребности и выполняют функции» [Fuchs, 2009: 104].

Безличные коммуникации становятся центральным актором образования социальных отношений, но авторы статьи отмечают ещё одно следствие такого описания общества. Оказывается, что формирование людей происходит в психической и биологической сферах, но не в социальной. Оно выносятся за пределы системы и принимается за её внешнюю среду. Результатом такого подхода, как считают Фукс и Хофкирхнер, становится неспособность социологии к диахроническому анализу. Система Лумана описывает только положение «как есть», однако не предлагает перспективы. Интересным кажется то, что подобную критику приводил Поль Рикёр по отношению к структурализму. В его исследованиях структурная теория превращается в объективацию, лишённую перспективного планирования. Структурализм, с точки зрения Рикёра, подчиняет диахронию синхронии [Рикёр, 2002: 71]. Аспект традиции и истории оказывается вынесен за скобку, по сравнению с актуальным состоянием языковой системы. Цитируя Клода Леви-Стросса, Поль Рикёр находит основание структуралистской идеи в раздвоении: «Как только факт звучания начинает восприниматься в качестве немедленно предлагаемой ценности и для говорящего, и для слушающего, он приобретает противоречивый характер, нейтрализация которого возможна только путём обмена взаимодополнительными ценностями, к чему сводится вся социальная жизнь» [Рикёр, 2002: 80].

Чтобы добиться чистого понимания ситуации коммуникации, структурализм предлагает отказаться от ценностных интерпретаций участников, а это возможно в ситуации объективации языка структурой. Интересно, что идеи Рикёра в преодолении проблемы структурализма сходятся с решениями Фукса и Хофкирхнера. Рикёр также не представляет дальнейших шагов структурализма, потому что без предложения перспективности любое чистое описание языка и общества не приведёт ни к чему. Он предлагает разрешить эту проблему обращением к телеологической герменевтике Гегеля. В дискуссии с Луманом на стороне Хабермаса авторы отмечают, что структурный-функционализм ведёт к тому, что любое конфронтационное отношение с системой заочно оказывается провальным, а любые проблемы, которые считаются «объективными» и общезначимыми, оказываются таковыми исключительно из-за того, что циркулируют в общественной сфере, а не из-за самостоятельного статуса. При этом, сам Хабермас также отмечает этот разрыв в работе «Теория коммуникативной деятельности». Он пишет: «Системная теория общества рассматривает возникновение и развертывание современных обществ исключительно с функционалистской точки зрения нарастающей системной сложности. Правда, после того как системный функционализм был очищен от шлаков социологической традиции, он стал нечувствителен к социальным патологиям, которые можно выявлять прежде всего в структурных признаках социально интегрированных сфер действия» [Хабермас, 2002: 815]. Фукс и Хофкирхнер приводят в пример подобных патологий экологические проблемы: «Опираясь на разделение системы и внешней окружающей среды, Луман не может объяснить, как возникают экологические проблемы. Он не способен показать, как они могли бы быть решены; его интересует лишь то, каким образом общество коммуницирует об экологических проблемах... При таком подходе экологические проблемы превращаются лишь в социальные конструкции» [Fuchs, 2009: 115].

В подходе Лумана сохраняется также неясность, связанная с историческим характером системы. Остаётся непонятным, каков её источник, если она возникает без субъекта.

В качестве альтернативы лумановскому проекту авторы предлагают модель критической теории социальных систем, которая предполагает, что выстраивание этически нейтральной системы невозможно. В качестве предпосылок её возникновения авторы отмечают франкфуртскую теорию, марксизм, общую теорию систем Людвиг фон Бергаланфи, который считал, что системная наука должна формироваться вокруг человеческих ценностей, и, наконец, эволюционную теорию систем.

Опираясь на корпус исследований, авторы предполагают, что человека нельзя исключить из социальной системы. Более того, сам аутопоэзис организуется вокруг человеческой социальности. Они расширяют представление Лумана о биологической и психологической природе человека тем, что уточняют, что социальная среда включает людей в социальные системы, притом включает их в те структуры, которые предоставляются людям самими социальными системами. Такое самовоспроизводство уже обладает потенциалом к модернизации. Входные условия социальных систем могут быть изменены, в том числе и творческим воздействием самих акторов [Fuchs, 2009: 121].

Кристиан Фукс и Вольфганг Хофкирхнер пытаются провести трансформацию положения субъекта относительно системы. Способность человека к творческому преобразованию системы авторы статьи называют термином «re-creation» (воспроизводство). Они замечают, что теорию разделения системы и внешней среды, откуда исключается человек у Лумана, пытается разрешить Э. Янч посредством возвращения человека в систему. Его система начинает строиться вокруг восходящего и нисходящего движения, когда акторы посредством взаимодействий и коммуникаций создают социальные структуры, а после сами эти структуры задают ограничения, которые формируют новых индивидов.

Представление о коммуникации как о невероятности Никласа Лумана уместно дополнить рассуждениями критической теории, которая возвращает в систему самостоятельного субъекта. Разработка теории структурного функционализма через понятие аутопоэзиса, которое сводится к способности системы самовоспроизводиться подрывает гуманистический аспект социальности. Общество разделяется с историей и теряет возможность оказывать влияние на само себя. Возникновение динамики, социальной трансформации и существования коммуникативных разрывов можно объяснить при расширении теории Лумана критическим проектом, который возвращает в анализ творческий потенциал субъекта. В результате, коммуникацию можно описать двойственно, с одной стороны, она способна самовоспроизводиться, но возникновение кризисов и их преодоление возможно, благодаря человеческой деятельности. Она задаёт пределы коммуникации.

Исключение субъекта ведёт к возникновению ряда лакун, в частности, вопроса о возникновении невозможности в коммуникации. Раз система обладает своим внутренним устройством, пробелы в ней возникают по её решению, а значит она сама могла бы их избегать. Этого не происходит, поэтому уместно предположить, что за невозможностью лежит какой-то другой источник, который не может быть описан силами самой системы. Им может быть творческий потенциал и нередуцируемость человека, которая и задаёт пробелы и недосказанности в системе. Продолжение линии критического подхода к обществу и коммуникации заметно даже сегодня, спустя тридцать лет после дебатов между Хабермасом и Луманом. Кажется, что нейросети могли бы стать идеальным примером коммуникации, в которой отсутствует субъект. Тем не менее, сегодня для обучения нейросетей этическим принципам требуется включение философов. Например, в компании «Anthropic» работает Аманда Аскелл, которая занимается формализацией нормативной этики для того, чтобы ограничивать языковые модели. В её академических исследованиях проводится работа с вопросом «моральной самокоррекции» LLM. Их суть сводится к вопросу о том, возможно ли обучить нейросеть моральным принципам без специальных метрик, исключительно посредством диалога с человеком. Затем проверяется, справляется ли система самостоятельно с теми положениями, которые были ей предоставлены. В результате эта практика оказалась работоспособной, при этом оказалось, что модели могут принимать этические понятия человека, не опираясь на сложную систему оценок, вынося её из запроса самого человека. Однако само наличие таких исследований и разработок подсказывает, что корректировка системы коммуникации возникает в результате сотрудничества с человеком, а значит, утверждение его внешнего характера не до конца правомерно. Исследования критической теории общества и коммуникации позволяют учесть прогрессивные находки системной теории, сохранив в ней элементы гуманизма.

Список источников

Козер Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер / пер. с англ. О. А. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.

Луман Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман / пер. с нем. А. М. Ложеницина ; под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972> (дата обращения: 12.03.2026)

- Луман Н. Почему необходима системная теория? / Н. Луман / пер. с нем. Н. А. Головина // Электрон. публ.: Центр гуманитарных технологий. 03.06.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2971> (дата обращения: 17.03.2026)
- Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман / пер. с нем. Д. В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. Электрон. публ. : Центр гуманитарных технологий. 20.02.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2954> (Дата обращения: 26.03.2026)
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / П. Рикёр / пер. с фр., вступ. ст. И. Вдовиной. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. 624 с.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / М. Фуко / пер. с фр. М. : Касталь, 1996. 448 с.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. М.: Весь мир, 2022. 880 с.
- Fuchs C., Hofkirchner W. Autopoiesis and critical social systems theory // Autopoiesis in organization theory and practice / ed. R. Magalhães, R. Sanchez. Bingley: Emerald Group Publishing, 2009. P. 111–129.

References

- Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality: Selected Works]. Moscow, Kastal': 448. (In Russ.)

- Fuchs C., Hofkirchner W. (2009) *Autopoiesis and critical social systems theory*. Magalhães, R.
- Habermas J. (2022) *Teoriya kommunikativnoi deyatel'nosti* [The Theory of Communicative Action]. Moscow, Ves' mir: 880. (In Russ.)
- Kozer L. A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow, Ideya-Press; Dom intelektual'noi knigi: 205. (In Russ.)
- Luhmann N. (1995) *Chto takoe kommunikatsiya?* [What is Communication?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2954> (Date: 26.03.2026). (In Russ.)
- Luhmann N. (2000) *Neveroyatnost' kommunikatsii* [Improbability of Communication]. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii*, Issue 3. Saint Petersburg: SPbSU. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972> (Date: 12.03.2026). (In Russ.)
- Luhmann N. (2010) *Pochemu neobkhodima sistemnaya teoriya?* [Why is Systems Theory Necessary?]. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2971> (Date: 17.03.2026). (In Russ.)
- Ricoeur P. (2002) *Konflikt interpretatsii: ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow, KANON-press-Ts; Kuchkovo pole: 624. (In Russ.)
- Sanchez, R. (eds.) *Autopoiesis in Organization Theory and Practice*. Bingley: Emerald Group Publishing: 111–129.

© Львов А.А., Богомолов Г.В., 2026

Информация об авторе:

Александр Александрович Львов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет. Университетская наб., д.7/9, Санкт-Петербург, Россия. 19004. Специализируется в области истории западной философии XIX-XX вв., философской антропологии, структурализме и философии языка. Автор научных публикаций по проблемам философской антропологии, истории философии, истории науки, участник российских и международных исследовательских проектов.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2026; принята после рецензирования 28.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Глеб Викторович Богомолов – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, направление подготовки: Философский дискурс современности. Университетская наб., д.7/9, Санкт-Петербург, Россия. 19004.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2026; принята после рецензирования 28.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Alexander A. Lvov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, and Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University. He specializes in the history of Western philosophy of the 19th-20th centuries, philosophical anthropology, structuralism, and the philosophy of language. Author of scholarly publications on issues of philosophical anthropology, the history of philosophy, and the history of science, and a participant in Russian and international research projects.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 05.03.2026; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

Gleb V. Bogomolov – Master's student at Saint Petersburg State University, program: Philosophical Discourse of Modernity.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 05.03.2026; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.